

Записки эмигрантки

Автор — известная одесситам врач, которую пациенты и коллеги называют Буся Мироновна, — несколько лет живет в Германии.

Мы публикуем фрагменты ее заметок, написанные, несомненно, откровенным наблюдательным человеком, полным самоиронии...

* * *

Эмиграция — это интересное слово. Оно происходит от слова *миграция*, что означает перемещение людей, животных, вещей и всякого прочего скарба из одной страны в другую, чужую страну. Мне кажется, что слово *эмиграция* происходит еще от одного слова, а именно — *мигрень*. С той только разницей, что если мигрень с ее главным симптомом — головной болью — поражает, как правило, половину головы, то в эмиграции поражается головной болью и вторая половина головы: как выучить язык, как обустроиться, как интегрироваться в чужое общество, как лучше узнать страну и многим, многим другим...

Был сосуд — свой дом, свои стены, свой город, своя страна. И вдруг мы, словно эритроциты и лейкоциты внутри этого сосуда стали проникать через неповрежденную его стенку наружу. Нет! Что-то в этих стенках повредилось, и мы, как и многие другие, устремились через эти повреждения. А куда? Сначала точно в никуда, а просто магнитом тянуло в лучшую среду обитания.

И вот мы погрузили вещи, мы растеряны, но в нас теплится надежда... С нами наш песик, он — член семьи и тоже хочет лучшего. Дорога длинная, а в чужую страну кажется еще длинней. Потом кордоны. Один смешнее другого, каждый так и норовит что-то получить. "Животные есть?" — и тут, внутри, все замирает. Хотя документы, включая прививки на песика, дома все были сделаны, но... одно неосторожное движение — и под видом штрафа — мзда. Мзда — понятие маленькое, но здесь она очень чувствительная. И вот шепчу: "Миленький, сиди тихонько, не то выгонят. Слышишь?". И это маленькое существо уже все поняло, притаилось и замерло в молчании. Ура! Проехали, песик забился под сиденье, и таможенник его не заметил. "Миленький, умненький, хороший песик", — беру его на руки, глажу, почесываю. Благодарный песик лижет мне руки, а всепонимающие его глазенки словно говорят: "Я выполнил команду, я правильно все понял". И снова глажу и целую это родное существо, перемещающееся с нами.

Сменился ландшафт не столь богатый степной на прекрасный лесной. Леса чередовались с лугами. Поражает сочность растительности, не выжженная солнцем желтизна, а насыщенная, глубокая зелень от присутствия в ней большого количества пигмента — хлорофилла. Чудо, чудо природы и чистый воздух, и необыкновенный порядок с чистотой, как тень за человеком, следуют друг за дружкой. День сменялся ночью, а ночь — рассветом следующего дня. Лиловое небо висело над головами низко, низко и, кажется, протяни руку, и окажешься на нем. Но это только кажется, до неба не дотянуться никогда и нигде. А само небо вдруг мрачнело, заволакивалось тучами, а сквозь тучи упорно, настойчиво пробивались лучи солнца — свидетели жизни, света и радости. Так тоска, душевная боль смягчались красотой живой природы, но, увы, природы чужой, да свежей, но холодной, ведущей к спазму сосудов, и не только головы, но и всего тела.

Песик бегает на остановках, суетится, обнюхивает и с трудом находит себе где-то место. Не шепчет ли ему кто-то, что не все можно, не везде, как прежде, а он пугливо озирается, беспокойно вздрагивает, но... естественно, берет свое, теперь уже среди лесов и на чистых лугах. А песику, видимо, нужен, как и нам, свой воздух, своя, пусть и выжженная степь. Не покидают мысли, что там осталось очень многое — люди, земля, воздух и все бесконечно родное. А когда говорим, что это не так, то лжем сами себе.

* * *

Ура! Вика зарегистрировали. Нет, все было непросто. То и дело слышали: "Невозможно, порядок, нельзя...". Но Вик — настоящий человек. Он не лаял, он вилял хвостиком — сработало. Люди — везде люди, и здесь — не исключение. Немцам в сентиментальности не откажешь. Да и Вик — красавец: серенький, пушистый, а прыгает как! Раньше насчитывали его прыжков до 200 раз, сейчас, правда, меньше, но все же более 100 раз. Уж ел и спал он, мясо-то очень любит, вот и ел его три раза в день, а потом гулял вволю.

Рядом было огромное кукурузное поле — сочные сильные стебли, а на них большие початки, которые красиво и аккуратно украшали это чистое поле. Дальше луг, за лугом — небольшой частный загон лошадей. Мы вспомнили песню: "Кони сытые бьют копытами", — и стали разглядывать лоснящихся от чистоты, сытости и ухоженности лошадей. Вскоре появилась русая отчаянная одетая по форме наездница. Завидев нас с пудельком, лошадь стала совершать круг почета. Вот тут-то Вик и залаял, словно говорил, что ему нравится лошадь и ее наездница, и тут же начал совер-

шать свои знаменитые прыжки, демонстрируя и свое умение, и удачу. До глубокой темноты мы сидели на скамеечке неподалеку, созерцая всю эту красоту и раздолье. Вик не стеснялся, что-то было в этом раздолье от наших вольных степей. Только быстро надвигающаяся ночь и зловещая тишина заставили нас вернуться в помещение, где быстро все вместе уснули безмятежным сном.

* * *

В эмиграции дорога не просто длинная, она еще и не прямая, а этапированная и очень трудная. Нашим следующим этапом было общежитие.

Комендант общежития не был сентиментальным, а совсем наоборот, это был грубый малообразованный человек, который вообще не улыбался. На людей он не просто смотрел, а когда смотрел и разговаривал, то обязательно прищуривался, отчего становилось даже жутковато. Что тогда было на уме у этого человека, одному Богу известно. И вот этот комендант на песика прореагировал плохо, и если нас он вынужден был терпеть, то уж пса... — сами понимаете. Злобно и грубо он сказал на ломанном русском языке: "Убирать кака!". На что я тотчас же мягко, как бы своей мягкостью стараясь смягчить и его, ответила: "Конечно, непременно", — теперь уже на ломанном иностранном языке.

Свидетелем этого разговора был мальчик семи лет на детском велосипеде. Звали его Эдик. Был он тоже из эмигрантов из Казахстана, жил с родителями уже несколько месяцев и был как бы свой и старожил. Вездесущий Эдичка все и всех знал, был в курсе всех событий и проблем общежития. С утра на своем велосипеде он объезжал все номера, справлялся, как идут дела, обязательно встречал прибывших и от всех с радостью принимал угощения, тщательно складывая их в сумочку, повешенную на руле велосипеда. Белобрысый, подчеркнuto вежливый, он не забывал сказать "спасибо" и отъезжал дальше. А уж если что-то кому-то говорил комендант, то Эдичка тотчас же вырастал там как из-под земли. И на сей раз не обошлось без Эдички. Уже с малолетства складывается характер у ребенка, его положительные и отрицательные качества, добро и зло, хорошо и плохо. А плохое на грани с низменным — подслушать, подсмотреть, а потом использовать это. И вырастает не очень хороший, если не больше, взрослый.

Песика мы выгуливали три раза в день — два раза на полянке рядом с общежитием. Полянка была огорожена от проезжей части дороги забором, а вдоль забора горделиво красовались клены и тополя. В третий раз

мы отправлялись на прогулку обычно часов в пять вечера к ближнему лесу. Я добросовестно выполняла указания коменданта.

Быстрыми шагами надвигалась осень, опавших листьев красота припорошила и полянку вдоль забора, где мы и гуляли. Именно туда, стремглав выбегая из нашего номера, всегда устремлялся песик, как бы поняв, что это место ему отведено для прогулок. Да и мы решили, что это самое подходящее место, чтобы поменьше топтаться на полянке. Однажды глубокой осенью наш карликовый пудель сходил у забора. Наклонившись, в опавшей листве я не нашла следов его освобождения. Только я поднялась, как увидела вездесущий хитроватый глаз Эдички из-за дерева неподалеку. Оказывается, глаз этот всегда следил за нами. И если не удавалось ни в чем уличить, он, недовольный, вразвалочку выползал неизвестно откуда и удалялся. А тут наконец-то Эдичка выскочил и прокричал: "А я расскажу коменданту, что вы не убрали". Эдичка не ждал объяснений, они ему просто не нужны были, он был рад удаче, был рад, что не нашлись следы испражнений песика — ему нужна была конфета.

* * *

Каждый день к пяти часам вечера, живя в общежитии, мы отправлялись на дальние прогулки — чаще в лес, но иногда на озеро. Дорога шла мимо огромного луга — необыкновенный зеленый ковер, травинка к травинке, чистота. Это просто большое пастбище для ухоженных коров. То и дело было слышно их мычание, но никакого запаха навоза. Вот где свежий воздух и раздолье для Вика! Дорога прямо через мостик над ручейком вела к лесу, а направо по склону — к озеру. По небольшой горке поднимаемся в лес: девственный, красивый и тоже ухоженный. На опушке леса дорожки: пешеходные, беговые и велосипедные — размечены, культивированы и поражают чистотой. Лес смешанный — лиственные рощи и кустарники сменяют кленовые и дубовые посадки и, наконец, сосновый бор. Уходим в чащу леса, таинство и тишина леса завораживают, но и немного пугают, даже Вик далеко не уходит, оглядывается, боясь нас потерять. Временами лесную тишину нарушает на ветру шум ветвей и верхушек деревьев, которые как бы ведут меж собой разговор. И хочется молчать, дышать и жить, и жизнь за все благодарить. Больше всего нам нравится сосновый бор, и дорога наша лежит к нему.

Однажды, бродя по лесу, мы обратили внимание на отметины на стволах некоторых деревьев, а ведь это были отметины о вырубке их, да, стареньких, но еще живых деревьев. И снова волна тоски, пусть немного дру-

гой, но тоски, охватила нас. Верно, что болезнь и старость всегда вызывают к сочувствию, состраданию. И вот истина — ведь этим деревьям тоже хочется жить, еще пожить, хоть молодыми никогда уже не быть!

С первыми лучами заходящего солнца мы отправляемся домой. Единение с природой делает нас здоровее, чище, лучше. Неожиданно наш пу-дедек побежал в сторону, что-то его беспокоило. Быстрым шагом пошли за ним, и то, что мы увидели, вызвало просто умиление. Единое семейство — семья ежей бойко перемещалась, шурша опавшими осенними листьями. Завидев песика и учуяв опасность, они свернулись как по команде в четыре игольчатых комочка и замерли. Вик подскочил к одному, лапкой попытался коснуться его, но не тут-то было — укололся, отпрянул, но снова и снова повторял. Я подхватила его, он успокоился и понял, что нарушать идиллию покоя мирных хороших животных, как и человека, нельзя.

* * *

Позади осталось общежитие. Наконец мы в своей квартире. Она — просторная, полна света, солнца и воздуха. Нам нравится, Вику, видно, тоже. Он бегает, резвится, обнюхивает все углы, в ход пошли мячики для игр и резиновые его игрушки. Приятно за ним наблюдать. Неожиданно он притих, забился в какой-то угол, мы насторожились, а он сидит, как-то съежился, глазки прищурились. "Викочка! Что случилось?" — ответа, конечно, не последовало, да и не могло быть. Осталось только догадываться — он что-то вспомнил. Воспоминания, действительно, — благо, которое нужно душе, и подчас у человека желание вспомнить бывает очень сильным. Говорят, что воспоминания свойственны только человеку, а вот животные обладают памятью. Думаю, что и животные могут вспоминать, хотя и память у них особенно чувственная, много глубже. Те же игрушки и даже больше, хорошая квартира и даже лучше, чем прежде, но где же та? Там он жил с двухмесячного возраста, рос и все хорошо помнил. Всем взгрустнулось. Развеять тоску нам помог пейзаж, открывающийся перед домом с балкона и через кухонное окно. Перед домом — лужайка, зеленый чистый палисадник с чистой детской площадкой. Чуть поодаль, ближе к дороге — березовая роща, которая тоже родит воспоминания, будто мы дома.

Из кухонного окна открывается вид на речку — Рейн, пусть не всю, уголок ее, и все ближе, а вдоль речки лесные массивы. Ближе к дому сквозь верхушки деревьев просматривается розовый старинный баронский замок, а чуть дальше шпиль с крестом и часами старинной, построен-

ной в XV-XVI веке церкви святой Маргариты. Каждые полчаса раздается бой часов с колокольным звоном. В эту минуту душа как бы замирает, и ты понимаешь, что твой микрокосмос — часть космоса огромной Вселенной, а ты — его маленькая частица. В эти мгновения начинаешь понимать, что жизнь теперь состоит как бы из двух жизней: жизни, утраченной нами, и жизни, нами приобретенной, — с ее микрокосмосом, комфортом, качеством, которого раньше не было. Но! Та, большая часть жизни внутри своего сосуда, своей Земли, воздуха, пусть с неназойливым комфортом и худшим качеством — но наша жизнь, жизнь со своей нужностью людям, была и остается для нас бесценной!

* * *

Нашему Вику повезло, как и сотням тысяч собак и кошек в нашей стране. Их любят, холят, кормят лучшим и наделяют постелью. Но не меньше, если не большее количество животных у нас не имеет крова. Эти бездомные бродячие голодные и больные кошки и собаки распространяют заразу бешенства, чумки, кишечных инфекций, глистов и всевозможных клещей и лишаев. Они никому не нужны. Что же не учтено, что не позаимствовано, почему ничего не делается? Печально. Разве не жаль их?

Здесь же бродячих кошек и собак — нет. Для них организованы приюты, где они ухожены, обезврежены, сыты, живут в тепле. Мы видели и маленькие домики, которые построили сами люди для бездомных кошек. Домики эти они утепляют и приносят туда еду и воду. Нигде не слышно собачьего лая, ибо каждый хозяин, воспитывая щенка, надевает на него на пару месяцев ошейник с зуммером на лай. Зуммер реагирует на лай и раздражает собаку, вырабатывается рефлекс. И затем собака лает только в особых случаях, когда ей грозит опасность.

Не менее интересно, что каждый рыболов-любитель, получая сертификат права, проходит инструктаж: рыбка, пойманная на удочку, не должна мучаться. В наборе рыболовецких снастей имеется молоточек, которым после извлечения ее из воды легонько ударяют по голове, чтоб не мучилась в судорожной агонии.

Также любопытно было узнать, что старым немощным лошадям выдают пенсии. Их не убивают, когда они выходят на пенсию, а отдают в частные загоны с пенсией. Люди берут их, жалеют, следят за ними, кормят, поят и воспитывают детей в любви к лошадям, наблюдении за ними.

Эмиграция далеко не лучшим образом сказывается на личных качествах человека. Зря рассчитывали, надеялись здесь в эмиграции на единение, поддержку всех выходцев из бывшего СССР, рожденных на одной земле, с одним менталитетом и воспитанных одной русской культурой. У многих, к сожалению, в эмиграции наступают мутации далеко не в лучшую сторону. Стыдно за них, когда с этим фактом сталкиваешься. Мало того что мы все оказались в необычных условиях с чужим менталитетом, не своим языком, чужой культурой, так еще и не с лучшей мутацией. Слава Богу, это касается не всех. Мне вообще не нравится, слово "все", когда и любят всех и ненавидят всех, не понимая, что творят уж грех. Есть очень хорошие, добрые, отзывчивые люди, которые полны желания помочь. А есть... И кажется, что плохих мутантов здесь много больше. Но почему? Каждый из нас со своим микрокосмосом, а в нем свои противоречия. Так, наверно, и должно быть, но не столько же... Уж очень сильно этот микрокосмос каждого в эмиграции поляризуется. Вот и захотелось разобраться в этом. Я стала собирать свои и чужие мироощущения. Быть может, это не нужно? Но хочется — думаю, желает этого каждый разумный человек. Тихонько во всем разобраться, чтобы впредь меньше ошибаться.

Что же происходит в эмиграции? Все эмигранты освободились от бытовых проблем, появилось свободное время. Спасибо этой стране, там нам, особенно пенсионерам, было бы теперь много хуже. У пожилых, которые не могут и не будут уже работать, хотя там еще и работали, высвободилось и это время. Но как его занять (это свободное время), как его реализовать? И оттого, кто на что горазд, какова степень его ущербности, зависит, какая наступает в нем мутация.

А вот молодые люди и люди среднего возраста заняты учебой или поисками ее, работой или поисками ее. Они заняты, но занятость эта проходит в условиях другого менталитета, не очень хорошего языка, в борьбе за свою реализацию, свое место под солнцем, свое существование. И в том, и в другом случае сильно поляризуется микрокосмос каждого, хотя и по-разному у всех.

В каждом из нас есть добро и зло, плохое и хорошее, и даже низменное. В прежней жизни наличие второй сигнальной системы требовало от нас притормозить в себе плохое, заглянуть в себя, осмыслить и сказать себе "стоп". Времени свободного не было (работа, бытовые и другие проблемы), чтобы что-то растормаживать. Вот и жили с затаенным чувством ущербности, злобности — кто больше, кто меньше. А вот теперь, осво-

дившись от ряда проблем, получив свободное время и в силу своей ограниченности не зная, как его занять, направили энергию на растормаживание тех дремлющих, низменных качеств с отрицательной энергией. Эта энергия, вырвавшись наружу, устремилась как на самого хозяина, так и на окружающих его людей, сделав невыносимой жизнь изнутри и снаружи. Болезни и страдания, страдания и болезни изнутри, а внешне — снаружи — смешные до парадоксов и анекдотов истории, когда каждый сочиняет, что в прошлой жизни он непременно был директором, начальником, главным инженером и даже профессором, суды и пересуды.

И что же? Выплескивается злоба, ненависть, гордыня с завистью, жадность и месть, а причиной тому неудовлетворенные желания, ущербность либо в прошлой жизни у одних, либо в настоящей жизни у других. Жалкие мещане, прикрываясь лицемерием, пытаются убедить в своих дружеских намерениях и предают. Какова же обида и разочарование в человеческой подлости. И поняла, что здесь мы — как в гостях, и очень откровенными нам нельзя быть, ибо вынужденно общаемся с людьми с самыми разными суждениями и воспитанием. Тут и умники, считающие всех недоумками, кроме себя, тут и те, которые уважают только свои убеждения, но не чужие, других угощают обидами, а обид себе не прощают. Чванство и даже предательство. Меняются взаимоотношения. В этом суть мутации в эмиграции. В каждом из нас есть зло и грех, но есть и добро, и надо бы, чтобы зла было поменьше, а добра побольше. Хочется, чтобы к тебе относились так, как ты относишься к другим. А в жизни все бrenно, в мир иной все с собой не унесешь и там покой не обретишь. На ум приходят замечательные слова Б. Пастернака: "Силу подлости и злобы одолеет дух добра". Будем верить и надеяться на это!

* * *

Постепенно, но все настойчивее и настойчивее мы стали ощущать наступившие перемены — от природы, климата, среды обитания до людей и животных. Чужбина же, конечно, и тяжела, и трудна, а без языка и сложна. Чужбина — этим все сказано. Мы разрушили свое гнездо, а это страшно, решили убежать от сегодняшней реальности, ее проблем — ведь это так, а значит, убежать от себя. А от себя не убежишь. Где-то вычитала, и как в точку: "от себя не убежишь — силы слишком неравные".

Проблемы всегда были, есть и будут, и везде, а решать их надо — сегодняшние — сегодня и у себя, а не бежать от них черт знает куда. Разве что, если стар и не можешь. Хочется лучшего, стремимся к лучшему и оши-

баемся, когда думаем, что где-то нет проблем. Да, наверное, где-то и лучше, но стоит ли игра свеч, стоит ли эмигрировать за этим лучшим? Не уверена. Ведь нет, думаю, и не будет ни идеального места, ни идеального государства, а получив хороший бутерброд, надо не забывать, что он всегда падает маслом книзу. И не хлебом же единым сыт человек. Не лучше ли заглянуть в себя, осмотреться вокруг себя и найти хорошее, и просто жить, радоваться жизни. Тогда и проблемы будут решаться, и не придется бежать за тем, чего в природе вообще не существует. "Везде свои волки, и бежать от них не надо". Никто еще лучше не сказал, чем великий Шекспир: "Мириться лучше со знакомым злом, чем бегством к незнакомому стремиться".

Точно, что человек, покинувший место, где родился и жил, явно несчастлив, и счастливым никогда не будет.

* * *

Какое счастье, что у многих эмигрантов из бывших стран СНГ, воспитанных на русской культуре, сохранилась любовь к русскому языку, русской литературе и своей земле. Естественно — любить свою Родину и продолжать любить ее, болеть за нее, оказавшись в эмиграции. Да, она подчас была несправедлива, да, были пещерные, зомбированные особи, которые натравливали людей друг на друга, но эта земля дала нам жизнь, воспитала нас, и мы стали такими, какие есть, дала образование, работу, мы прожили там большую часть жизни, какой она тогда там была, там остались родные, близкие и дорогие нам могилы. Человек, который не хранит любовь к своей стране, никогда не сможет и не будет любить никакую другую страну. И это понимают все!

Боль по родному языку и утраченной стране ничем и, по-видимому, никогда не будет восполнена, хотя мы и покинули ее. Ностальгия по утраченному остается в нас, и даже по тому, чего вообще не было. Это ли не есть любовь к своей земле? Да, это и есть любовь к ней, любовь, которая выражается даже в желании раскрасить ее, землю, в самые красивые тона. Где бы мы ни жили, язык, как память о своей Родине, будет с нами, в нас и никогда не забудется. Слава Богу, что так думают многие, и стыдно за тех, кто думает иначе. И чтобы язык не исчез и не умер внутри нас, как и русская культура, огромное спасибо с поклоном тому, кто создал русскую библиотеку и преумножает ее, а мы, пользуясь ею, будем развивать и сохранять язык, чтоб не умер в нас.